

Е. Н. Опочинин

Ф. М. Достоевский

(Мои воспоминания и заметки)

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/dostoevskiy/opochinin_dostoev.html.

Во время одной из бесед моих с Ф.М. разговор наш по его почину перешел к отношениям полов и браку, а от этого как-то сам собой коснулся и вопроса о половой извращенности. При этом я заметил, что Ф.М. проявляет особый интерес к этому отделу патологии, останавливаясь с большим углублением на отдельных рассказанных им же случаях. В свое время я решил не записывать этих тяжелых примеров, но один случай, на котором с особенною подробностью остановился Ф.М. и который меня тогда сильно поразил, я решил восстановить здесь отчасти по памяти, отчасти же по сохранившимся кратким заметкам.

"В этом отношении (*то есть в половом*), - говорил между прочим Ф.М., - столько всяких извращений, что и не перечтешь... Ну, да это уж дело особой специальности медицинской разбираться во всех видах этой мерзости. Я думаю, однако же, что всякий человек до некоторой меры подвержен такой извращенности, если не на деле, то хотя бы мысленно... Только никто не хочет в этом сознаваться: будь же дело иначе, большой материал собрался бы у Мержеевского... А вот мне встретился в жизни один человек, который и не скрывал как будто своей - как бы это сказать? - ну, ненормальности, что ли, но только в известном смысле. И человек это был самый обыкновенный, заурядный и во всем остальном, кроме одной особенности, совершенно нормальный. Встретился я с ним в церкви на похоронах девицы одной, признаться, необыкновенно красивой, умершей в самых юных летах. Дело было так: в конце обряда отпевания, когда родные и знакомые умершей пошли дать ее телу "последнее целование", среди них появился никому из них не известный господин лет пятидесяти с лишком, по виду отставной чиновник, бритый, в общем наружности ничем не выдающийся, притом и одетый скромно, хотя и весьма прилично.

Он как бы с особливим усердием поклонился телу и облобызал сначала в уста, а затем в сложенные руки *необычно продолжительным поцелуем*, на что многие даже обратили тогда внимание. Затем он еще раз поклонился гробу, замешался в толпе, и больше его никто не видал. После родные умершей, особенно мать и отец, старались допытаться, кто бы мог быть этот неизвестный "друг" (что "друг" - это было решено единогласно, а мать даже с трогательным чувством произносила это слово), строили всякие предположения, даже расспрашивали кое-кого, но так ничего и не узнали. Узнать же очень хотелось, ибо некоторые из родных покойной девушки уверяли, что видели неизвестного в доме ее родителей за первой торжественной панихидой, причем им будто бы был принесен и возложен к гробу великолепнейший и весьма ценный венок из белых роз. Были у венка, как водится, и ленты, также белые, муарового шелка, но слишком широкие и без всякой надписи. Разумеется, столь трогательное внимание возбудило всеобщее любопытство. Попытались обратиться по этому поводу и к матушке безвременно отошедшей, но она, будучи убита постигшим ее горем, ничего и никого упомянуть не могла, хотя венок и заметила.

Со временем происшествие это забылось. Забыл о нем и я, и, вероятно, никогда бы не вспомнил, если бы не новая встреча с "неизвестным другом". Произошла эта встреча при обстоятельствах, весьма схожих с теми, при коих его видели в первый раз, с тою лишь разницей, что я, будучи на кладбище, увидел его в числе провожавших чей-то белый, весь покрытый цветами гроб. Я не страдаю нездоровым любопытством и обычно не смотрю на печальную процессию похорон и даже стараюсь не присутствовать на них, но тут я был застигнут врасплох, почему, сняв шляпу, посторонился, и мимо меня проследовали и певчие, и духовенство, и несшие изукрашенный гроб, и, наконец, провожавшие его родные и знакомые, которых было очень много. Вот тут-то я и увидел "неизвестного друга", как я мысленно его называл. Он шел в последних рядах процессии, как и все, без шляпы, но выделялся среди опечаленных провожавших необыкновенно веселым лицом. Мне даже показалось, что он улыбался... К могиле вместе со всеми он не пошел, а остановился невдалеке от меня и, когда хвост процессии скрылся на мостках, стал закуривать. Чрезвычайно заинтересованный, я решил посмотреть, что будет делать он дальше. К удивлению моему, он сделал несколько шагов по направлению ко мне и вдруг заговорил.

- Изволили вы видеть, какая красавица? - спросил он меня, весь сияя восторгом.
- Кто? - спросил я, до чрезвычайности пораженный обращенным ко мне вопросом.
- Да в церкви-то вы были-с?